

СИНДРОМ АСФАЛЬТА

ИРИНА ВАСИЛЬЕВА

18+

Ирина Васильева
Синдром асфальта.

«Автор»

2026

Васильева И.

Синдром асфальта. / И. Васильева — «Автор», 2026

В мире победивших корпораций и цифрового контроля человеческая жизнь стоит дешевле программного кода. Кристина Воробьева — лучший судебно-медицинский эксперт Москвы, женщина-алгоритм, способная по царапине на металле восстановить картину катастрофы. Днем она — винтик в бездушной государственной машине, но ночью её личность стирается, уступая место «Химере» — гениальному механику и самому опасному нелегальному гонщику столицы. Когда рутинное расследование заказного убийства вскрывает масштабный заговор внутри Министерства обороны, Кристина понимает: она стала разменной монетой в игре высших эшелонов власти. Её собственные коллеги открывают охоту на неё, пытаясь стереть из баз данных и похоронить в бетонном коллекторе вместе с тайнами, которые она узнала. Чтобы выжить, ей придется объявить войну системе, которую она же помогала строить. Вместе с преданным другом-тяжеловесом Витязем и юным уличным гением Цифрой, Кристина уходит во тьму подпольных гонок.

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть. I. Двойная экспозиция.	5
Глава 1. Запах озона.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Синдром асфальта.

Часть. I. Двойная экспозиция.

Глава 1. Запах озона.

Стерильность пахнет не чистой, как принято считать в рекламных роликах моющих средств. Стерильность пахнет холодом и электричеством. Для Кристины Воробьевой этот запах имел конкретную химическую формулу: слабый фон изопропилового спирта, едва уловимые ноты вулканизированной резины от перчаток дежурного санитара и густая, почти осязаемая волна озона. Озон генерировали старые лампы дневного света под потолком криминалистической лаборатории Бюро судмедэкспертизы Южного округа. Они гудели на низкой частоте, словно гигантские сонные насекомые, и этот низкочастотный гул был метрономом её жизни.

Кристина сидела за своим рабочим столом, но её тело здесь отсутствовало. Физически она ощущала жесткую спинку эргономичного кресла, которое сама же и выбила у завхоза полгода назад, чувствовала легкий зуд кожи предплечий от синтетической ткани униформы и видела отблеск монитора на полированной поверхности стола. Но сознание её находилось там, внутри искореженного куска металла, лежащего сейчас в соседнем помещении — в «секторе А», камере вещдоков с климат-контролем.

Это была рулевая колонка седана бизнес-класса. Точнее, то, что от неё осталось после лобового удара о бетонную опору моста на скорости около ста сорока километров в час. — Вербицкая, ты опять дышишь на экспонаты? — голос вырвал Кристину из транса.

Игорь Семенович, старший эксперт отдела трасологии, стоял над ней, опираясь узловатыми пальцами на край стола. Ему было шестьдесят три, сорок из которых он провел, изучая царапины на лакокрасочных покрытиях. Его лицо напоминало старую топографическую карту, испещренную морщинами дорог.

— Я анализирую вектор деформации, Игорь Семенович, — ровно ответила Кристина, не поднимая глаз. Её пальцы методично крутили в руках тонкий пинцет. — Водитель утверждает, что лопнула шина. Но сталь рулевой рейки говорит об обратном. — И о чем же она говорит нашей мисс Марпл? — усмехнулся старик, поправляя очки с толстыми линзами. От него пахло крепким чаем и дешевым одеколоном «Шипр» — запахом старой школы советской экспертизы.

— Она говорит, что перед ударом руль повернули вправо на тридцать градусов при заблокированной передней оси, — Кристина отложила пинцет и наконец посмотрела на коллегу. Её серые глаза казались слишком светлыми для такого бледного лица, лишённого косметики. — Шина могла лопнуть позже, от вторичного удара. Первичный импульс шел от потери управления. Кто-то очень хотел, чтобы машина ушла именно в ту опору.

Игорь Семенович хмыкнул, забрал со стола протокол первичного осмотра и пробежал его глазами. Он ничего не сказал, но уголки его губ дрогнули в одобрении. Он ценил Кристину именно за это — за умение видеть механику смерти без лишних эмоций. Для большинства людей разбитая машина — это трагедия. Для Кристины — это уравнение. Скорость плюс масса минус коэффициент трения равно смерти. Всё просто. Элегантно. Безупречно.

Она вернулась к работе. Сегодня вторник, а значит, день микрообъектов. На языке лаборатории это означало бесконечные часы под бинокулярным микроскопом. Её сектор ответственности назывался сухо и официально: «Исследование полимерных материалов и частиц ЛКП (лакокрасочного покрытия)». Звучит скучно. Но именно эта скука позволяла ей выжи-

вать. Когда восемь часов в день смотришь на радугу преломления света в срезе автомобильного лака, мозг отключает всё лишнее. Не нужно думать о пустом холодильнике дома, о звонке матери, которая снова будет плакать в трубку и спрашивать, когда же дочь наконец выйдет замуж, или о том, почему единственный приличный свитер покрылся катышками. Есть только спектрограмма. Есть только структура молекулярной решетки.

Кристина надела массивные наушники, подключенные к спектрометру FTIR. Щелчок кнопки. Тихое гудение лазера. Образец номер четырнадцать. Частицы синего цвета, изъятые с бампера пострадавшего такси. Луч инфракрасного излучения прошел сквозь прозрачный слайд. На экране монитора медленно начала вырисовываться кривая — кардиограмма вещества.

Для обычного человека это просто ломаные линии. Для Кристины — открытая книга. *Пик при волновом числе 1720. Сложный эфир. Акриловая основа. Двойной пик в районе 2900. Углеводородная цепь. Алкидная смола. Характерное плато...*

— Металлик Micas Blue, партия выпуска май две тысячи двадцать первого года, — прошептала она себе под нос, вбивая данные в базу. — Используется концерном VAG. Audi Q5 или A6 в комплектации Design. Скорее всего, темно-синий перламутр. Она сняла образец, убрала его в подписанный конверт и потянулась за следующим. Номер пятнадцать. Черные ворсинки, предположительно ковровин. Под микроскопом ворсинки превратились в густой лес. Кристина включила поляризованный свет. Волокна вспыхнули характерным маслянистым блеском. — Полипропилен низкого давления. Двухслойная структура. Производитель «Автотекс», Калужский завод. Стандартная комплектация Lada Vesta Cross. Она записывала результаты в электронный реестр, двигаясь в ритме гудящих ламп. Левая рука на клавиатуре, правая манипулирует микровинтом фокуса. Это был танец абсолютной точности. Здесь нельзя ошибиться ни на йоту. Ошибка в определении состава пластика может отправить невинного человека в колонию строгого режима, а виновного — оставить пить кофе на свободе. Кристина брала на себя эту ответственность с пугающим равнодушием. Люди были лишь переменными в её формулах.

В лабораторию вошел Макс. Старший следователь Максим Эдуардович Лавров. Он двигался по их стерильному миру так, словно был одет в домашние тапочки. Если лаборатория Игоря Семеновича пахла старым деревом и пылью, а отсек Кристины — пластиком и озоном, то Макс всегда приносил с собой запах улицы: мокрого асфальта, остывающего двигателя и крепкого мужского парфюма, который стоил больше, чем месячная зарплата среднего эксперта. Макс был неприлично красив той хищной, ухоженной красотой, которая обычно встречается у адвокатов дьявола или дорогих альфонсов. Высокие скулы, идеально выбритый подбородок, костюм-тройка, сшитый явно не на заказ в местном ателье, а где-нибудь в Милане. — Привет, Спящая красавица, — он оперся бедром о её стол, нарушая все мыслимые правила биологической безопасности. — Как успехи в отделе пыльных бурь?

Кристина даже не подняла головы от окуляров. Она плавно выключила подсветку микроскопа, снимая напряжение с уставших глаз. — Образцы одиннадцать, двенадцать и тринадцать подтверждают версию защиты. Фура действительно потеряла управление на гололеде. Мой отчет будет готов к трем часам. У тебя есть пять минут, если хочешь задать вопросы до того, как я отправлю PDF прокурору.

Макс тихо рассмеялся. Смех у него был бархатный, обволакивающий. — Ты чудо, Крис. Настоящее сокровище. Сухое, расчетливое и невероятно дорогое в обслуживании сокровище. Он положил перед ней пластиковую папку. Красная полоса по диагонали — «Совершенно секретно. Материалы ОРМ». — Тут свежачок. Ночной таран на Юго-Западе. Три машины всмятку, одна сгорела дотла. Ребята из ГИБДД говорят, работал профи. Слишком чисто ушел через развязку МКАД.

Кристина открыла папку. Фотографии дымящихся островов вызвали у неё привычное холодное любопытство. — Почему ко мне? Пожар — это химия горения, пусть Петров смотрит. Таран — это деформация кузова, иди к Игорю.

— Потому что пожарные нашли вот это, — Макс достал зип-пакет. Внутри лежал кусок черного карбонового волокна размером с зажигалку. — Говорят, деталь отвалилась от одной из машин налетчиков прямо во время маневра. Узнай, чья игрушка. Только аккуратно. Там ребята серьезные засветились, нам шум не нужен. Официально мы ищем угнанный Solaris.

Кристина взяла пакет хирургическим пинцетом. Карбон. Высокомодульное волокно. Материал дорогой, капризный. Ставится либо на премиальные спорткары, либо на качественный мотоциклетный обвес. Угнанный Solaris отпадал сразу. — Мне понадобится сканирующий электронный микроскоп, — сказала она. — И тишина часа на два.

— Организуем, — кивнул Макс. — Результаты скинь мне лично. И, Крис — он наклонился чуть ниже, понижая голос. — Будь осторожна с цифрами. Если увидишь там марку вроде «Ламборгини» или чего похуже, сначала скажи мне, прежде чем вносить в общую базу. Поняла?

Кристина молча кивнула. Макс еще секунду смотрел на её руки — тонкие, длинные пальцы с коротко стриженными ногтями, на которых навсегда въелись темные точки от масла, — затем развернулся и вышел.

Как только тяжелая герметичная дверь лаборатории закрылась, отрезая звуки внешнего мира, Кристина выдохнула. Воздух стал чище. Присутствие Макса всегда действовало на неё как статическое электричество — заставляло волосы вставать дыбом и кожу покрываться мурашками. Он был единственным человеком в этом здании, который видел сквозь её броню из протоколов. Он знал, что за маской ледяного аналитика скрывается нечто иное, но пока списывал это на обычную женскую скрытность или тяжелый характер.

Она отнесла карбон в бокс электронной микроскопии. Помещение площадью четыре квадратных метра, обитое медной сеткой для экранирования помех. Кристина поместила образец на предметный столик, включила вакуумный насос. Прибор начал откачивать воздух с тихим, утробным шипением. Пока шла подготовка, Кристина села на вращающийся стул и закрыла глаза. Перед внутренним взором немедленно возникла другая картина. Совсем не похожая на эти тусклые стены. Чернота. Расчерченная желтой разметкой лента шоссе. И ветер. Не тот сквозняк из кондиционера, что дул ей сейчас в шею, а живой, плотный поток воздуха, бьющий в грудь со скоростью встречного движения. Звук. Низкий, вибрирующий рык рядной четверки, проходящий сквозь кости таза прямо в позвоночник. Ощущение. Вес девяностосильного японского нейкеда между коленями, ставший продолжением её собственного тела. Кристина сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Синдром отмены. За последние шестнадцать часов вне стен бюро она провела максимум полчаса — дорога от метро до крыльца. Этого недостаточно. Мозг требовал дозы адреналина, рецепторы жаждали вибрации. Но сегодня ночью выезда не будет. Завтра в девять утра совещание у генерала по делу о коррупции в автодорожном хозяйстве, где её экспертиза ляжет в основу обвинения. Она должна быть идеальной. Выспавшейся, спокойной, функциональной.

Микроскоп издал мелодичный звук, сигнализируя о готовности. Кристина открыла глаза. Серый мир вернулся. На экране появилась увеличенная структура плетения. Twill 2x2. Плотность нитей — критически высокая. Такие композиты используются в аэрокосмической отрасли и в кастомных гоночных командах. Дешевые китайские подделки выглядят иначе — они рыхлые, с избытком эпоксидной смолы.

Она сменила увеличение. Теперь виден был торцевой срез. Граница раздела «углерод — связующее». Кристина сделала серию микрофотографий, загрузила их в программу распознавания структур. Пока процессор жужжал, перебирая миллионы патентов в закрытой базе данных МВД, она подошла к своему столу. Открыла верхний ящик. Под стопкой журналов

«За рулем» десятилетней давности лежал плоский черный кейс. Внутри, на поролоне, покоился портативный газовый хроматограф. Личный прибор Кристины, купленный ею на деньги от частных консультаций. Формально использовать его на рабочем месте запрещалось. Она быстро оглянулась на стеклянную перегородку кабинета начальника. Игорь Семенович дремал в кресле, откинув голову назад и издавая легкое посвистывание. Риск минимален.

Вернувшись к образцу, Кристина извлекла крошечный фрагмент карбона — меньше песчинки — и поместила в камеру прибора. Нажала кнопку нагрева. Через десять секунд тонкая игла детектора втянула испарившийся состав связующего полимера. Экран хроматографа выдал сложную диаграмму пиков. Кристина подключила прибор к планшету, перевела график в формат наложения. Программа дала совпадение девяносто восемь процентов. «Cytex Sусom 977-2. Аэрокосмический препрег. Температурный режим отверждения 180°C. Поставщик — единственное сертифицированное предприятие в РФ, база снабжения авиакомпании "Волга-Днеп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.